

14. Карпов, А.О. Исследовательская парадигма в образовании / А.О. Карпов // *Инновации в образовании*. – 2010. – № 7. – С. 12–32.
15. Соломатина, Е.О. «Общество знания»: новые тенденции стратегии образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук – М., 2011. – С. 20; Островская, С.В. Современные проблемы подготовки студентов в педагогическом вузе / С.В. Островская, В.Д. Лобашев // *Наука и школа*. – 2010. – № 6. – С. 6–9.
16. Барлыбаев, Х.А. Актуальные задачи философского анализа содержания современной эпохи / Х.А. Барлыбаев // *Философия и общество*. – 2011. – № 2. – С. 119; Урсул, А.Д. Глобально-эволюционный подход к перспективам образования / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // *Социально-гуманитарное знание*. – 2011. – № 1. – С. 48.
17. Вульф, К. Антропология воспитания / К. Вульф. – М.: Праксис, 2012.
18. Смолин, О.Н. Интеллектуальная катастрофа в России: причины и пути выхода / О.Н. Смолин // *Свободная мысль*. – 2011. – № 5. – С. 30–35; Запесоцкий, А.С. Современное образование: проблемы и поиски / А.С. Запесоцкий // *Известия Российской академии образования*. – 2012. – № 1. – С. 49–50.
19. Цит. по: Громыко, Н.В. Российское образование: модернизация и «макдональдизация» / Н.В. Громыко // *Ученый совет*. – 2012. – № 1.
20. Фуллан, М. Выбор ложных движущих сил для реформы целостной системы / М. Фуллан // *Вопросы образования*. – 2011. – № 4.
21. Михалина, О.А. Латиноамериканская философия и образование в поисках аутентичности / О.А. Михалина // *Латинская Америка*. – 2012. – № 1.

SUMMARY

The article deals with the main educational principles in general and pedagogical principles in particular in the crisis of modern technogenic society. The authors of the article consider that the main educational principles of shaping ecological-futurological paradigm of social science are philosophy's strengthening in modern educational system, bringing up the man of noosphere type and educational content changing in accordance with postclassical scientific view of the world.

Поступила в редакцию 10.10.2013 г.

УДК 165.18:159.954

П.С. Петровский,
аспирант Института философии НАН Беларуси

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ И СВОЙСТВ

Воображение – важнейшая качественная характеристика человека как мыслящего существа, его атрибутивное свойство. Однако нет общепринятого понимания сущности феномена, его форм и функций. Уместно вспомнить такой курьезный случай: известный исследователь Д. Уотсон в программе исследований на 1913 г. исключил феномен воображения из объектов психологической науки, и многие современные авторы не пользуются данным понятием. Несмотря на это в XX в. в научный оборот социогуманитарных дисциплин вводится понятие «социальное воображение». Однако в изучении данного феномена не выработаны методы и подходы к исследованию, нет единого мнения о том, какое конкретное содержание «социальное воображение» отражает, правомерно ли выделять его в особую философскую категорию. Все это делает необходимым более широкий поиск сведений о сущности феномена «социального воображения» и методах его исследования.

Вначале обратимся к определению феномена «воображение». Во времена античности мыслители древности обратили внимание на воображение, его неоднозначную и парадоксальную способность. Платон, Аристотель и Плотин рассматривают воображение («фантазию») в русле гносеологии как низшую способность души. В Средневековье Гуго Сен-Вик-

торский считал воображение одним из трех «глаз» человеческой души, осуществляющих функцию наблюдения. Автор рассматривал его как простое представление вещей, находящихся вне нас.

И. Кант определил, что способность воображения имеет свойство памяти, то есть репродукции опыта и продуктивности, творения новых доселе несуществующих образов. Он отмечал: «**Воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании...**» [6, с. 141–142]. Кант связывает продуктивную способность воображения с априорными законами, а репродуктивную с эмпирическими. Продуктивная способность воображения является творческой, ибо творчество есть полагание, дающее «новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера» [5, с. 246].

Исчерпывающее определение понятию «воображение» дал А.В. Петровский. Исследователь выделяет четыре составляющие воображения: «1) построение образа средств и конечного результата предметной деятельности субъекта; 2) создание программы поведения, когда проблемная ситуация неопределенна; 3) продуцирование образов, которые не программируют, а заменяют деятельность; 4) создание образов, соответствующих описанию

объекта» [12, с. 104]. Таким образом, исследователь обосновал целеполагающую, мобилизующую, фантазирующую и воспроизводящую функции воображения. Однако в выделенных исследователем составляющих наблюдается противоречивость. Так, первая и третья функции взаимоисключают друг друга. Если воображение целеполагает, направляет к деятельности, является источником творчества, то, согласно фантазирующей функции, воображение заменяет творческую деятельность пассивным созерцанием фантазий и грез, а также мечтаниями. В этой связи следует выделить как активное, деятельностное воображение, так и пассивное, то есть воображение, которое создает образы, не воплощающиеся в жизнь.

Выявим соотношения с воображением таких феноменов, как фантазия, греза и мечта. Проблема места данных явлений в сознании индивида не решена до конца. Множество авторов рассматривают фантазию как синоним воображения. Эта точка зрения является дискуссионной. Фантазия выступает более узким по отношению к воображению понятием. Данный феномен принадлежит к пассивному воображению. Главным движущим рычагом фантазии являются непреднамеренные желания, в которые погружается субъект. Она здесь носит характер «замещения» активности, является продуктом желания. С ним связан ее эмоциональный и нереальный характер. Желание в фантазии противопоставляется мышлению и замещает его. Данный феномен, как считают некоторые авторы, аффектирует человека, не позволяет полноценно существовать ему как творческому существу. Можно утверждать, что фантазия выступает экзальтирующим явлением, замещающим реальность иллюзорным представлением о мире. Как справедливо замечает Г. Башляр, «то, что с точки зрения объективного познания является чисто искусственным, сохраняет глубокую подлинность и выполняет роль активного стимула для бессознательной работы фантазии» [1, с. 37]. Тем самым фантазия имеет своим истоком бессознательное, однако всегда проявляется в сознании человека. Данное явление в психоанализе характеризуется как инфляция, то есть вторжение бессознательных архетипических содержаний в сознание [14, с. 107].

Греза также является формой пассивного воображения, характеризуется произвольностью и эмоциональной окраской. Она выступает моментом бессознательного желания на основе ассоциации. Если фантазия проявляется в желаемой, нереальной цели, то греза проигрывает желаемое на ассоциативном уровне. При этом в ней включается память как главное условие ассоциации. Благодаря памяти обра-

зов греза производит ассоциативные переживания. Фантазия же использует новые комбинации образов без включения памяти.

Третьим видом пассивного воображения являются мечты. Данный вид имеет, в отличие от предыдущих двух, характер возможного, то есть того, чего на определенных условиях можно достичь. В связи с этим следует утверждать, что мечта может трансформироваться в творчество, стать целеполагающим принципом, перейти в активное состояние. Главным условием данного перехода будет включение воли в практику достижения мечты, а также мышления при выборе пути достижения цели.

При выявлении содержания понятия «социальное воображение» в положительном смысле слова следует обратиться именно к активному воображению как стимулу деятельности, направлению труда человека. Как отмечает Ю.М. Бородай, воображение является «субъективным слепком целесообразной деятельности труда» [2, с. 64]. Если же переосмысливать в социальном ключе пассивную форму воображения, то можно констатировать его «отвлекающий» характер, неспособность к адекватной оценке реальности и тем более влияния на ее изменение. При рассмотрении роли пассивного воображения в общественном сознании важно проследить социальные последствия ее деятельности в процессе анализа исторических трансформаций.

Сегодня существует несколько попыток определить «социальное воображение». Американский социолог Ч. Миллс ввел категорию «социологическое воображение», под которым понимал «особое качество мышления и интеллекта, которое, вероятно, обеспечивает наиболее наглядное представление о самых сокровенных областях нашего бытия в их связи с более широкой социальной действительностью» [11, с. 37]. Автор понимает под «социологическим воображением» определенный метод познания общественных процессов. Данное определение, на наш взгляд, не может раскрыть смысл социального воображения, ибо является индивидуальным актом познания исследователя. Категория же «социальное воображение» ставит перед исследователем задачу отразить именно проявление основных свойств воображения в обществе.

Также не может быть признана удовлетворительной характеристика «социального воображения», данная современными украинскими исследователями Н.А. Кондратьевой и А.В. Ятвецкой. Авторы отмечают: «Социальное воображение – одна из форм социально-психологического отражения личности. В данном случае социальное воображение рассматривается как процесс создания новых обра-

зов, стилей, представлений об окружающей нас действительности. То есть это некое воссоздание социальной реальности на индивидуальном уровне. Социальное воображение дает возможность идентифицировать себя с критериями своего личностного выбора и тех форм идентичности, которое диктует нам общество в данный период времени» [8, с. 28–29]. Из этого определения следует, что Н.А. Кондратьева и А.В. Ятвецкая под «социальным воображением» понимают процесс идентификации субъекта с критериями его выбора и тех форм идентичности, которые диктует общество. У авторов «социальным воображением» является индивидуальное воображение личности в отношении общества и места его в нем. Данное определение не отражает социальности воображения. Оно только рассматривает индивидуальное воображаемое личности в отношении общества и своей идентификации в нем.

Еще одно определение «социальному воображению» дал французский социолог и философ Ж. Дюран. Для его обозначения автор вводит понятие «*l'imaginaire*» (имажинер). Под ним автор понимает определенное пространство, соединяющее 1) воображение как способность; 2) воображаемое; 3) воображающего; 4) процесс воображения; 5) нечто (то, что предшествует и формирует предыдущие качества (*l'imaginaire*, «мир воображения»)) [22, с. 17].

По Дюрану, *l'imaginaire* является первичным социальным феноменом, в процессе функционирования которого осуществляется внутреннее измерение субъектов и объектов общества. Иными словами, французский исследователь под «социальным воображением» понимает определенный мир общественного мировосприятия, соединяющий в себе как членов общества, так и их способность воображения, а также и продукт воображения, то есть воображаемое. На наш взгляд, Ж. Дюран, в отличие от предыдущих авторов, показал именно социальную составляющую воображения. Однако у французского исследователя *l'imaginaire* превратился в онтологический первоисточник, первопринцип общественного существования, в котором оказались объединенными процесс воображения, его продукт и источник, то есть сам человек. На наш взгляд, если с социально-онтологической точки зрения это создает возможность глубже осознать сам феномен воображения и его отношение к бытию, то на инструментальном уровне мы можем потерять конкретно исторические факторы трансформаций, не различить механизмы изменений в самом воображении.

Следует отметить, что определить сам процесс «социального воображения» более сложно, нежели его продукт – воображаемое.

В силу этого следует особо обратить внимание на различие между «социальным воображением» как процессом, механизмом и «социальным воображаемым» как продуктом, итогом этого процесса. Данная проблема имеет глубоко методологический характер, ибо суждение о процессе воображения, о его механизме, невозможно в полной мере произвести при помощи исследования только продукта воображения, – того, что выходит на финишной прямой самого «социального воображения».

Категория «социальное воображение», скорее всего, должна характеризовать отражение качеств способности воображения в обществе. Справедливо в этой связи замечает французский историк Ж. Ле Гофф: «Воображение стимулирует человека и побуждает его действовать. Воображение – феномен коллективный, общественный и исторический» [10, с. 12]. Именно общество должно рассматриваться как носитель социального воображения, и все трансформации данной способности должны отражаться в динамических изменениях социума.

Сегодня следует поставить вопрос о выявлении механизмов творческого потенциала социального воображения в исторической динамике. Как отмечал Платон, творчество есть возникновение того чего раньше не было [13, с. 406]. Из этого следует, что если то новое, которое возникло в творчестве, не существовало до акта созидания, значит, оно ни в какой форме не могло наличествовать в предшествующем. Ведь его действительно (в прямом смысле этого слова) не было. Отсюда понятно, что возникшее должно являться чем-то существенно отличным по отношению к бывшему ранее, принципиально инаковым, новым. Чтобы выявить возможность социального творчества, процесс исторического развития должен теоретически представляться не как монолитный нераздельный ряд выводимых друг из друга причин и следствий, но как такой ряд, в котором существуют «разрывы», «пустоты», когда между двумя предметно фиксированными явлениями невозможно установить жесткие и однозначные причинно-следственные отношения, найдя опосредующие связующие звенья, потому что этих звеньев не существует в принципе.

Именно в разрывах, где последующее не вытекает из предшествующего, но темпорально связано с ним, вспыхивают полагающие принципиальную новизну акты творчества. В данном случае следует сослаться на В.Ф.Г. Гегеля, который утверждал, что акт становления возможен только в единстве бытия и ничто. Немецкий классик замечает: «Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что

бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так истина не есть их неразличность, она состоит в том, что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности. Их истина есть, следовательно, движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось» [3, с. 69].

В вышеизложенном немецкий мыслитель проиллюстрировал образец диалектического мышления, раскрыл важность для становления, то есть развертывания, изменения, творения, именно антитезиса ничто, которого нет в тезисе бытия. Ибо только в пространстве соизмеримости бытия и ничто, возникающего в диалектическом взаимодействии данных противоположностей, собственно и протекает творческий процесс. Его основой в исторической динамике становится время. В связи с этим другой немецкий мыслитель М. Хайдеггер подчеркивает важную составляющую для воображения времени, которое он рассматривает как его основание: «Это укоренение во времени есть единственное, благодаря чему трансцендентальная способность воображения вообще может быть корнем трансценденции» [17, с. 114]. Здесь на основании времени совершается зарождение сущего, его кристаллизация, образующая переход в принципиально новое видение. По сути дела, пространство соизмеримости бытия и ничто составляет само содержание творчества.

Однако творчество социального воображения предполагает еще и условие волевого усилия общества для достижения поставленной цели. В данном случае, как подчеркивает А.В. Петровский, воображение соединяется с мышлением, которое выполняет функцию целеполагания и на основании воли производит механизм мобилизации общества [12, с. 104]. Возникает естественный вопрос, что может явиться поводом, причиной синтеза мышления и воли с воображением. Здесь следует обратиться к онтологическому истоку, на который указал М. Хайдеггер, – времени. Как философия, так и психологическая наука определяют воображение как способность воспроизводить прошлое (память) и производить будущее (творчество), то есть формировать у человека и у общества в целом представление об этих двух временных направлениях. Другие мыслительные способности человека данных функций выполнить не в состоянии.

Единственной способностью, отвечающей за релевантное отражение реальности, является восприятие. Однако, как было проиллюстрировано выше, пассивное воображение в виде фантазий и грез при помощи аффектации может заменить функцию восприятия действительного. Конечно, данная ситуация является патологической и в некоторых случаях клинической. А.В. Петровский замечает, что «воображение может выступать отражением реальной действительности в новых, непривычных, неожиданных сочетаниях и связях» [12, с. 104]. Из слов психолога следует, что воображение также может отражать реальность только в творческом измерении. Все это свидетельствует о темпоральности воображения, которое понимает прошлое и формирует будущее. Если время есть основание социального воображения, то поводом, «искрой» к волевому творчеству, мобилизирующему созидание, может быть только осознание времени и места в нем человека и общества, которое определяется ограниченностью и конечностью. Данное понимание является тем стимулом, который включает волевое начало. Только понимание, осознание конечности своего существования и факторов, которые могут ускорить эту конечность, то есть факторов опасного, которые исходят из осознания смертности, конечности, становятся единственным источником, побуждающим к активному творчеству.

Тем самым объясняется позиция Э. Юнгера, видевшего в опасном (конечном) ту мобилизующую силу человеческого бытия, которая актуализирует социальное творчество. Ученый связывает опасное с репродуктивной функцией социального воображения, то есть исторической памятью общества. Мыслитель замечает: «Опасное выступает под знаком прошедших времен и отдаленных краев, господствует теперь в настоящем. Оно словно вторглось сюда (в настоящее – П.П.) из древних эпох и бескрайних пространств, подобно грозному небесному телу, возвращающемуся из космических бездн в силу неведомой закономерности» [20, с. 116]. Именно в данный момент, в точке осознания опасности рождается новое творческое начало, новая идея, создается проект будущего, который волевым актом пытается воплотить в жизнь общество. Э. Юнгер замечает: «Тут возникает необходимость новых порядков, охватывающих и чрезвычайные явления, – порядков, которые рассчитаны не на исключение опасного, но создаются благодаря новому сочетанию жизни и опасного» [20, с. 117].

Следует выделить такое качество «социального воображения» как прогнозирование. Осознание опасного, актуализация опыта в памяти,

где сохраняется знание о потенциальной опасности, является тем стимулом, который побуждает создавать гипотетические модели развития будущего, спроецировать в грядущем возможные риски для общества. А.В. Петровский замечает: «Ценность воображения – принятие решения без должного количества информации» [12, с. 104]. Создание гипотетических моделей будущего при отсутствии должной информации возможно только при осмыслении всей онтологической основы настоящего (опасности существования) и его генезиса из прошлого посредством осознания сущности динамики данного генезиса.

Феномен же социального воображаемого воплощается в различных эпохах в форме религий, идеологий, философских и мировоззренческих систем. В связи с двойной направленностью социального воображения (репродукция прошлого, продукция будущего) его продуктом могут выступать также исторические концепции.

Важно соотносить результаты социального воображения с динамикой исторического процесса. Л.П. Карсавин отмечал: «Сосредоточиваясь даже на самом процессе религиозного осмысления жизни, а вернее – на религиозно-идеологическом процессе в его обращенности и на жизнь, мы усматриваем, что он предстает нам в качестве непрерывного потока, начавшегося до восстаний, замирающего после них, в момент восстаний достигающего (в важном для нас качестве своем) апогея» [7, с. 20–21]. Вслед за ученым проведем параллель между апогеем творчества социального воображения, созданием новых религий, идеологий и систем мировоззрения и точкой общественных трансформаций, когда присутствует некая разомкнутость между прошлым и настоящим. В этой точке разрыва динамика достигает максимальной силы, плотность событий становится критической. Понимание опасности, недееспособность старых форм существования приводит общество к потребности принять решение, создать что-то новое. Как справедливо заметил Ж.П. Сартр, продуктивное воображение является подвижной схемой и не имеет в своем распоряжении готовых статических схем [15, с. 190].

Именно актуализация подвижных схем социального воображения в точках максимальной динамики позволяет создавать новые проекты и продукты реальности обществом. Тем самым воображаемое в наиболее креативных формах появляется именно в моменты резких изменений, радикальных сдвигов в истории. Потребность преодолеть конечность, несущую опасность, является стимулом творчества социального воображения, выступает в роли перманентной незавершенности данного про-

цесса. Австрийский обществовед и философ О. Шпанн замечает: «В этой незавершенности мы видим движущую силу жизни. И, наоборот, там, где сытость и завершенность, – там отсутствует стимул для творчества: как в духовной, так и в телесной сфере» [19, с. 229]. В этих словах австрийского мыслителя заключена большая роль социального воображения как потенциальной формы незавершенности. Динамика становления на основе осознания опасности завершенности, статичности, создает стимул творчеству, определяет характер социального воображения.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно определить понятие **социальное воображение** как способность отражения обществом на определенном этапе своего развития образов прошлого и настоящего, а также создание проектов и продуктов их трансформации и конструирования в будущем. Данная способность общественного сознания имеет две разновидности – пассивную и активную. Пассивное социальное воображение является аффектирующим, отвлекающим от деятельности проявлением, основанным на бессознательных влечениях и желаниях. Активное социальное воображение связано волей и актуализируется осознанием опасности и конечности.

Творческий механизм социального воображения актуализируется в моменты опасности. Осознание приближения возможной опасности, понимание несостоятельности использовать устаревшие модели и рецепты выхода из ситуации, приближающей к концу, побуждает к актам творчества, создает темпоральные сгустки высокого интеллектуального и деятельного напряжения, открывает возможность создать новое, несуществующее до этого. Осознание конечности открывает также путь способности прогнозирования, возможности определять риски, создающиеся вызовами опасности, выявлять определенные сценарии развития при данных рисках. В этом смысле социальное воображение может послужить практическим инструментом для понимания радикальных изменений в переходные эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр, Г. Психоанализ огня / Г. Башляр; пер. с фр. Н.В. Кислова. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.
2. Бородай, Ю.М. Воображение и теория познания / Ю.М. Бородай – М.: Высш. шк., 1966.
3. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2002.
4. Еникеев, М.И. Психологический энциклопедический словарь / М.И. Еникеев. – М.: Проспект, 2010.
5. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – СПб.: Наука, 2006.
6. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредакт. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2009.
7. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – М.: АСТ, 2007.

8. Кондратьева, Н.А. Конструирование социальной идентичности на основе социального воображения / Н.А. Кондратьева, А.В. Ятвецкая // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 948. – С. 27–30.
9. Лапланж, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланж, Ж.-Б. Понталис; пер. с фр. Н.С. Автономовой. – М.: Высш. шк., 1996.
10. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Жак Ле Гофф; пер. с фр. Е.В. Морозовой; общ. ред. С.К. Цатуровой. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001.
11. Миллс, Ч.Р. Социологическое воображение / Ч.Р. Миллс – М.: Изд. дом «NOTA BENE», 2001.
12. Петровский, А.В. Воображение // Психологический лексикон: энцикл. сл. В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕРСЭ, 2005. – С. 104–105.
13. Платон. Софист // Соч. В 4 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007.
14. Сэмьюэлз, Э. Словарь аналитической психологии К. Юнга / Э. Сэмьюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот; пер. с англ. В. Зеленского. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
15. Сартр, Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001.
16. Федье, Ф. Воображаемое // Везен Ф., Федье Ф. Философия французская и философия немецкая / пер. с фр. и послесл. В.В. Бибикина. – М.: Едиториал УРСС, 2002 – С. 35–92.
17. Хайдеггер, М. Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер; пер. с нем. О.В. Никифорова – М.: Русское феноменолог. об-во, 1997.
18. Читтик, У. Встречи с воображающимися людьми // Суфий. Осень 2009 – зима 2010. – С. 20–26.
19. Шпанн, О. Философия истории / О. Шпанн; пер. с нем. К.В. Лощевского. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
20. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловский; вступ. ст. Ю.Н. Солонин. – СПб.: Наука, 2002.
21. Corbin, H. «Mundalis imaginalis», or the imaginary and the imaginal / H. Corbin. – London: Spring, 1972.
22. Durand, G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire / Gilbert Durand. – Paris, 1960.

SUMMARY

The article deals with social imagination as the ability of society to reflect at the certain stage of its development images of the past and present, and the creation of projects and products of their transformation and design in the future. Two varieties of social imagination – passive and active are defined, where passive social imagination is the distraction from activity, based on an unconscious attraction and desires, and active social imagination is restricted by will and actualized in accordance with the awareness of dangers and limitations. The awareness of the possible danger approaching, the understanding of the impossibility of using outdated patterns and prescriptions of the way out provoke the acts of creativity, create temporal bundles of high intellectual and active tension, opens up the possibility to create something new, that didn't exist before. Thus, social imagination can serve as a practical tool for understanding the radical changes in transition periods.

Поступила в редакцию 14.10.2013 г.

УДК 1:304.9 А.А. Зиновьев

М.А. Сонгаль,

преподаватель кафедры философии БГПУ

ПРОБЛЕМА РАСПАДА СССР В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Факт распада СССР и поражение социализма в Центральной и Восточной Европе многими философами неоллиберального и консервативного направления воспринимается как закономерный итог несостоятельности социалистического проекта модернизации, который якобы противоречит законам экономики и самой природе человека. В связи с этим причина распада СССР является одной из центральных в современной исторической и социально-философской мысли. Показательной является статья А.Н. Медушевского, в которой подводится предварительный итог отечественных и зарубежных дискуссий о причинах распада СССР, а также предпринята попытка классификации и анализа основных концепций по данной проблематике [1]. Автор выделяет семь основных теорий: имперская, теория национализма, национально-демографическая теория, социально-экономическая, теория кризиса модернизации, теория, объясняющая распад СССР внешним давлением, внутренним заговором или их сочетанием, комбинирующая

теория, исходящая из отсутствия главной причины распада Советского Союза. Можно согласиться с автором данной статьи в том, что «все эти теории характеризуют отдельные стороны явления, но не могут быть приняты как универсальные [1, с. 5].

Тем не менее, концепция самого А.Н. Медушевского, претендующая на объяснение распада СССР «с позиций аналитической истории, опирающейся на методы когнитивной теории», также не является исчерпывающей в решении данной проблемы [1, с. 6]. Во-первых, автор сводит причины распада СССР к провалу «перестройки», «общей причиной которой стало осознание ошибочности сделанного ранее когнитивного выбора, закрепленного в коммунистической идеологии и угрозы выпадения страны из мировой цивилизации» [1, с. 6]. Это позволяет отнести идеи ученого к либеральной концепции о выпадении России после 1917 г. из мирового цивилизационного процесса. Основным недостатком предложенной концепции распада СССР, как и тех концепций, которые